

приснился сон, будто этот студент пришел к ней с упреком, почему она не пошла за ним в его жизнь, в близкую ему среду, где они обрели бы не только сегодняшнее счастье, но и надежды на еще лучшее будущее. Вскоре Лилийка умирает, так и не найдя выхода из своего убогого мира и не сумев исполнить своей мечты помогать тем, кто нуждается в помощи.<sup>6</sup>

## 2. Герой повести А. В. Корвин-Круковской «Михаил» и Алеша Карамазов

По свидетельству С. В. Ковалевской, ее сестра, ободрившая «первым успехом», «стотчас же приписала за другой рассказ, который окончила в несколько недель».<sup>7</sup> Речь идет о повести «Михаил», которую Достоевский открыл следующий, 9-й номер «Эпохи» за 1864 г. Герой ее, осиротевший в юности богатый светский молодой человек с душой поэта тяготеет жизнью в семье и уходит к своему дяде — монаху в монастырь, чтобы служить послушником. Он носит одежду послушника,<sup>8</sup> но не постригается в монахи, потому что жизнь в монастыре оказалась не такой уж идеальной, как это представлялось ему раньше. Так он и умирает, с «надорванным» и «опустелым» сердцем. Достоевский, чрезвычайно высоко оценив повесть, писал автору 14 декабря 1864 г.: «Идеал Ваш проглянул недурно, *зотъ и отрицательно*. Михаил, который не может *по натуре* (т. е. бессознательно) помириться с чем-нибудь, что ниже идеала — идея глубокая и сильная» (П., II, с. 382). Эта «глубокая и сильная» идея могла запомниться писателю — и тогда, может быть, послушником Алеша Карамазов показался той же С. В. Ковалевской похожим на «Михаила»? «Эту вторую повесть, — пишет она в своих воспоминаниях, — Достоевский одобрил гораздо более первой и написал ее зрелее. Образ Михаила представляет некоторое сходство с образом Алеша в „Братьях Карамазовых“». Когда, несколько лет спустя, я читала этот роман по мере того, как он выходил в свет, это сходство бросилось мне в глаза, и я заметила это Достоевскому, которого видела тогда очень часто.

— А ведь это, пожалуй, и правда! — сказал Федор Михайлович, ударив себя рукой по лбу, — но, верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алешу. Разве, впрочем, бессознательно он мне пригрезился, — прибавил он, подумав.<sup>9</sup> Наблюдение о сходстве персонажей Корвин-Круковской и Достоевского было высказано недавно современной исследовательницей,

<sup>6</sup> Несколько иначе (не была ли это первая редакция рассказа?) передает содержание «Сна» С. В. Ковалевская (*Ковалевская С. В. Воспоминания*, с. 67—68). Именно в этом варианте излагает его содержание и Л. П. Гроссман (см.: *Гроссман Л. П. Ф. М. Достоевский*, М., 1963, с. 322; ср.: *Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха»*, М., 1975, с. 133).

<sup>7</sup> *Ковалевская С. В. Воспоминания*, с. 68.

<sup>8</sup> Первоначальное название повести — «Послушник» — было запрещено духовной цензурой (см.: П., II, 381).

<sup>9</sup> *Ковалевская С. В. Воспоминания*, с. 68.

которая, проанализировав повесть «Михаил», писала: «Не вспоминался ли Достоевскому этот высоко оцененный им художественный образ чистого юности, оставившего семью и в одежде послушника в монастырских стенах ищущего ответа на свои поиски правды и цели жизни, когда он создавал Алешу Карамазова, отмеченного поэтическим обаянием?».<sup>10</sup>

И. А. ВИТЮГОВА

## ДОСТОЕВСКИЙ — РЕДАКТОР СТИХОТВОРЕНИЙ В «ГРАЖДАНИНЕ»

В пору редакторства в «Гражданине» (с 1 января 1873 г. по 22 апреля 1874 г.),<sup>1</sup> как свидетельствуют переписка Достоевского с авторами и ряд сохранившихся рукописных текстов их стихотворений с его поправками, работа над поступающими в журнал материалами для рубрики поэзии в основном выполнялась Достоевским. В исключительном, наиболее ответственном случае, редакция записанного под диктовку умирающего Ф. И. Тютчева его женою стихотворения «Наполеон III» («Гражданин», 1873, 8 января, № 2) была поручена А. Н. Майкову.

Большинство авторов стихотворений, печатавшихся в «Гражданине», были знакомы Достоевскому, и он, как известно, общался с ними лично или вел с ними переписку. Так, с Вс. С. Соловьевым (сыном историка), своим восторженным поклонником, писатель познакомился 1 января 1873 г. Недавно закончивший юридический факультет Московского университета, юный тогда поэт, отдельные лирические стихотворения которого ранее печатались в «Пчеле», «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Заре» и «Вестнике Европы», а впоследствии популярный исторический романист, Вс. Соловьев явился для Достоевского олицетворением той части молодежи, которая, по его представлениям, была наиболее близка ему в своих философских и нравственных исканиях. В 1873—1874 гг. они виделись очень часто. По воспоминаниям Вс. Соловьева, он ездил к Достоевскому «каждую свободную минуту», а если не бывал у него «в продолжении недели», то тот уже «печал» своему молодому другу.<sup>2</sup> Иногда при этих встречах Вс. Соловьев читал свои стихи и под свежим впечатлением разговора о них с Достоевским вновь переписывал их.

<sup>10</sup> *Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха»*, с. 134.

<sup>1</sup> В № 46 «Гражданина» от 22 апреля 1874 г. было объявлено, что «с настоящего номера Ф. М. Достоевский по расстроенному здоровью принужден... сложить с себя обязанности редактора журнала», но некоторые публикации этого номера, в частности стихотворения, явились завершением начавшего печататься при Достоевском. Далее до конца 1874 г. стихи в «Гражданине» были помещены лишь дважды (в № 44 и 51).

<sup>2</sup> *Соловьев Вс. Воспоминания о Ф. М. Достоевском*, СПб., 1884, с. 11.

После одного из таких свиданий 24 января 1873 г. он сообщал Достоевскому: «...вчера, выходя от Вас, я еще на Вашем дворе поправил понравившееся Вам стихотворение, но было уже поздно возвращаться. Вот что у меня вышло:

Побледнели уж краски заката,  
Звезды первые слабо зажглись,  
И давно соловьиные песни  
В тихий сумрак с кустов ползлились.

Нету сил наболевшему сердцу  
Обвинять за уснувшие муки,  
И к тебе, обливаясь слезами,  
Простирало я трепетно руки.

Не знаю, как Вам покажется эта поправка.<sup>3</sup> Стихотворение было опубликовано в «Гражданине» 17 декабря 1873 г. (№ 51) с отличиями во второй, третьей, четвертой и шестой строках, несколько меняющими ритмическую и речевую тональность и мотивировку переживаний:

Звезды первые слабо зажглись,  
Слышу я — соловьиные песни  
Под навесами лип раздались  
Дни протекшего взвешивать муки

Кому принадлежат эти исправления, сказать трудно. Скорей всего, в данном случае — все же самому поэту, может быть, с учетом замечаний Достоевского. О роли Достоевского как редактора более явно говорят сохранившиеся автографы стихотворений В. Соловьева «К ясному небу восходит / Утра морозного пар» и «Я помню, стонала и выла метель за окном».<sup>4</sup> Достоевский выбрал для публикации только одно из этих стихотворений — первое, озаглавив его «Зимнее утро» и поставив под ним своей рукой подпись (В. С—в), и отредактировал его заключительную строфу, в третьей строке которой густо зачеркнул последнее слово и вставил определение «какие», придающее интонации фразы большую естественность и плавность:

— Маля, вставай поскорее,  
Да подходи-ка ко мне —  
Видишь *какие* цветочки [«крзб»]<sup>5</sup>  
Вышли на нашем огне!<sup>6</sup>

<sup>3</sup> ГБЛ, ф. 93.П.8.122.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Здесь и ниже исправления Достоевского выделены курсивом, вычеркнутые им слова заключены в квадратные скобки.

<sup>6</sup> ГБЛ, ф. 93.П.8.122.

Эта небольшая поправка способствовала общей выдержанности ритмического рисунка стихотворения, опубликованного в «Гражданине» 12 ноября 1873 г. (№ 46). Отклонил Достоевский, приняв как не предназначенную для печати лирическую иллюстрацию к впечатлениям во время путешествия, и стихотворение В. Соловьева «Чуть пенчутся в полдень горячий / Лазурные воды Лемана», посылая которое, тот писал 12 (24) июня 1873 г. из Женевы: «...устал страшно, а поговорить с Вами все же хочется, хочется еще, по несчастной привычке, сказать Вам то, что прирезилось мне вчера на озере. Как Вы это найдете?! Разорвете или напечатаете к моему приезду?»<sup>7</sup> С другой стороны, в подборке со стихотворением «Побледнели уж краски заката» Достоевский дал еще два понравившихся ему стихотворения В. Соловьева: одно со столь ценными им воспоминаниями о прошлом (ср. «Дневник писателя» за 1877 г., июль—август, гл. 1, § 1), навеянными посещением родных мест («Старый домик под тенью берез»), и второе, не очень оригинальное по поэтической фактуре, но отражающее диалектику «души», ее переходное состояние:

Разбиты старые кумиры,  
Забиты старые виденья,  
И звуком обвешаной лиры  
Уж их не вызвать из забвенья.  
Напрасно мир волшебной грезы  
Еще порою в сердце рвется —  
Не закипят бывшие слезы  
И вдохновенье не проснется!  
В мир прежних грез слабее вера,  
А новый мир еще далеко —  
Кругом смытенье, нету меры,  
Душа тоскует одиноко...

Еще более активное участие принимал Достоевский в отборе и редактуре стихотворений начинающей поэтессы Л. Панковой (из более поздних ее публикаций у А. Мезьер зарегистрирован рассказ «Великолепные орхидеи» — Вестник Европы, 1900, № 6). В обнаруженном в архиве Пушкинского дома направленном Л. Панковой Достоевскому списке с переведенным ею стихотворением «Лорема. Из Гейне» и собственным ее стихотворением «Когда ты лжешь — не трать искусства...» перевод из Гейне перечеркнут, т. е. сразу же отвергнут Достоевским.<sup>8</sup> Вместо этого перевода, изобилующего графическими оборотами, вроде «дивной блестят красотой» или «чуждую песню поет», в «Гражданине» 7 мая 1873 г. (№ 19) были напечатаны два более лапидарных перевода Л. Панковой из Гейне — «Жизнь — это знойный летний день...» и «Ночка темная, непроглядная...». Извещая Достоевского 8 июля 1873 г. о своем отъезде в Уфимскую губернию и

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> ИРЛИ, № 29557.

прося «позволения присылать иногда» свои стихотворения, Л. Папкова добавляет: «Кстати, посылаю Вам свое новое стихотворение, к которому я прошу Вас отнестись с такою же строгостью, как относились Вы к моим прежним произведениям».<sup>9</sup> Приложенное стихотворение «Вслед за мгновением мгновенье...» Достоевский подверг правке, подбирал вместо неудовлетворяющих его или слишком общих выразительный ряд более значимых и точных: <sup>10</sup> к строке 4-й «Нам рану новую родит» присоединил вариант «Нам горе новое дарит»; над следующей, 5-й, строкой после «По» начато и не окончено «каждый раз»; в 6-й строке вместо избитого сочетания «Источник счастья» поставлено «Источник силы»; 7-я строка «Чтоб усладить земное горе» заменена сначала на «Чтоб утолить людское горе», затем на «Чтоб облегчить людское горе»; глагол «слетает» из 8-й строки имеет варианты «смысходит», «является». После первых двух строк стихотворения рукою Достоевского обозначена подпись (*Л. П—ва*), а последняя, папыщенская и лишняя, на его взгляд, строфа отчеркнута и помечена к сокращению.<sup>11</sup> Окончательно обработал Достоевский стихотворение, переписав его начисто на листе с присланным Вс. Соловьевым стихотворением «Зимнее утро»:

Вслед за мгновением мгновенье,  
Во след за часом час бежит,  
И сердца каждое биенье  
Нам рану новую сулит...

Но с лаской тихою во взоре —  
Источник силы и чудес! —  
Чтоб утолить земное горе,  
Любовь слетает к нам с небес!<sup>12</sup>

Оба стихотворения помещены в одном и том же номере «Гражданина» от 12 ноября. Судя по приписке в письме Л. Папковой, сви-

<sup>9</sup> ГБЛ, ф. 93.И.7.67.

<sup>10</sup> Первоначальный текст Л. Папковой:

Вслед за мгновением мгновенье  
Во след за часом час бежит,  
И сердца каждое биенье  
Нам рану новую родит.

Но с лаской тихою во взоре,  
Источник счастья и чудес,  
Чтоб усладить земное горе,  
Любовь слетает к нам с небес.

И снова грудь свободой дышит,  
Смолкает голос ягучих мук,  
И вдохновенье ярко пышет,  
И вновь родится стройный звук.

<sup>11</sup> ГБЛ, ф. 93.И.7.67.

<sup>12</sup> ГБЛ, ф. 93.И.8.122.

детельствующей о том, что она и ранее полностью полагалась на редактуру Достоевского, он так же поступал и в предшествующих случаях, доводя правку до конца и вряд ли возвращая с этой целью автору ее стихотворения (что находит подтверждение, как увидим ниже, в последовательности самой этой правки вплоть до завершения ее в печатных текстах). Следы существенной редакции Достоевского несут на себе автографы стихотворений Л. Папковой «Когда ты лжешь — не трать искусства...» и «Когда вокруг меня песется говор смутный...» (последнее было послано вместе с записанным ниже на том же листе стихотворением «Ветер дует, / Жалобно свистя...»,<sup>13</sup> не принятым Достоевским в журнал). Редактируя первое из этих стихотворений,<sup>14</sup> Достоевский особенно заботился об афористической выразительности концовки, конкретизирующей описание человеческих взаимоотношений образной параллелью из мира природы. Сначала правка коснулась 2-й строфы в целом:

Напрасен взглядов ягучий пламень,  
[И сердца] Себя ты попусту не мучь...  
Напрасно на надгробный камень,  
[Порой льет] Шлет солнце [теплый] свой горячий луч.<sup>15</sup>

Над самым кульминационным сравнением Достоевский размышлял, даже уехав в Москву, где 4 апреля 1873 г. зафиксировал в записной тетради новый вариант заключительных строк стихотворения:

Что пользы на могильный камень  
Лить солнцу свой горячий луч? (21, 261).

Окончательный же текст последней строфы в публикации «Гражданина» от 11 июня 1873 г. (№ 24) создан на основе обличения ранней правки в московской записи:

<sup>13</sup> Автографы стихотворений Л. Папковой, хранящиеся в ГБЛ в качестве дополнения к письму ее Достоевскому от 8 июля 1873 г., посылались по в один, как указано в академическом издании (21, 511), а в два приема: «Вслед за мгновением мгновенье...» было приложено к письму, а уже напечатанное к этому моменту «Когда вокруг меня песется говор смутный...» (см. выше) и «Ветер дует, / Жалобно свистя...» были отправлены ему раньше.

<sup>14</sup> Первоначальный текст Л. Папковой:

Когда ты лжешь — не трать искусства,  
Когда не лжешь — мне все равно:  
Тобой осмеянное чувство  
Давным давно скоронено.

Напрасен взглядов ягучий пламень,  
И сердца попусту не мучь...  
Напрасно на надгробный камень  
Порой льет солнце теплый луч.

<sup>15</sup> ИРЛИ, № 29557.



жил по частному найму в канцелярии губернатора, собирая статистические данные о Севере и много путешествуя. Обобщая свои впечатления, он стал отправлять в Петербург в различные журналы и газеты очерки и корреспонденции, одна из которых привлекла внимание начальства, вызвала недовольство, а это привело к увольнению со службы и необходимости существовать только литературным трудом. Как поэта первым его поддержал Некрасов, опубликовав в 1871—1872 гг. в «Отечественных записках» под общим заглавием «Из песен о павших» сначала пять (1871, № 11), потом еще два его стихотворения (1872, № 2) о судьбе обездоленных, угнетенных обществом, «падших» людей.<sup>20</sup> Об отношении Достоевского к Вас. П. Немировичу-Данченко как литератору сохранились два противоречащих друг другу свидетельства. Князь В. П. Мещерский в своих мемуарах утверждает, что инициатива привлечения Немировича-Данченко в «Гражданин» еще в 1872 г. принадлежала Достоевскому, который «однажды» приехал и «с восторгом» сообщил «об очерках с севера некоего Немировича-Данченко». Повествуя далее о завязавшейся переписке с «талантливым автором» и совместных хлопотах об его участии, Мещерский отмечал: «Радость Достоевского, когда он узнавал на след или на признаки таланта, была трогательна и характерна».<sup>21</sup> За 1872 г. и в 1873 г., при Достоевском, в «Гражданине» были помещены корреспонденции и циклы «путевых очерков» Данченко «На развалинах Севастополя» (1872, № 6), «Очерки Севера» (1872, № 2, 3, 5, 10, 12, 15, 17, 21), «В Соловки» (1872, № 22, 23, 27, 28, 30), «На озере» («Легенда упраздненного скита»), «Из Архангельска. Несколько слов о спектаклях в Холмогорском уезде» (1873, № 15—16), «Неведомые пустыни («Новая земля» и «Остров Ваигач»)» (1873, № 15-16, 19, 38), а также три его «воскресных рассказа» (1872, № 33; 1873, № 4, 13). Позднее ряд этих публикаций вошли в отдельные книги очерков Немировича-Данченко, изданных в 1874—1875 гг., и были положительно оценены И. С. Тургеневым, А. М. Горьким и др. Известно, можно ли верить Мещерскому: по записи метранжажа М. А. Александрова, Достоевский об уже печатавшихся в «Гражданине» очерках Немировича-Данченко отзывался неодобрительно: «... что вы находите хорошего, — говорил он, — в литературном произведении, где только и речи, что были мы там-то, потом поехали туда-то, там пробыли столько-то времени и видели то-то и прочее в таком роде, без идеи, даже без мысли».<sup>22</sup> В письме от 16 октября 1873 г., извиняясь за привлечение «исключительного

внимания» к своим находящимся в редакции «статьям», Немирович-Данченко напоминал Достоевскому, что живет «с семьей исключительно одною литературною работою» и просит Достоевского ускорить, «если возможно», их напечатание или «пометить в прилагаемом списке, какие статьи приняты, какие нет и последние выслать» ему.<sup>23</sup> Однако после этого письма в «Гражданине» появился лишь один очерк Немировича-Данченко, и притом уже после того, как Достоевский сложил с себя обязанности редактора (в № 17 от 29 апреля 1874 г. — «Охота за яйцами морских птиц (Из мурманских впечатлений)»). Стихотворения же его печатались часто, с апреля 1873 по апрель 1874 г., до последнего подготовленного при Достоевском номера. Возможно, что поэтическому творчеству Немировича-Данченко Достоевский как редактор стал отдавать предпочтение перед его прозой и, зная о его тяжелом материальном положении, заботился о пересылке ему денег (см. ряд составленных Достоевским счетов, с такой, например, характерной пометой в одном из них: «Данченке за все...»)<sup>24</sup> Стихотворения Немировича-Данченко, опубликованные в «Гражданине», различны по своей значимости. Некоторые из них написаны в обобщенно-романтическом духе, как, например, упомянутые выше стихотворения «Пережитая ночь» и «На челноке» из того же цикла «Мгновенья», или мелодраматически эффектные, как растянутое обличительное стихотворение «Капуция», возбуждавшее, по всей вероятности, недовольство А. Н. Майкова, который писал А. Г. Достоевской: «Не забудьте сказать Федору Михайловичу, чтобы остановились печатать ту стихотворную соду, которая разлилась на 4-х страницах последнего „Гражданина“. Это невозможно!»<sup>25</sup> (дата не обозначена, год указан А. Г. Достоевской). Скорей всего письмо датируется серединой августа 1873 г., временем публикации «Капуция» (№ 33), способного не только своим объемом — четыре колонки на трех страницах, но и содержанием вызвать отрицательную реакцию Майкова, которую вряд ли можно отнести к тоже большому по размеру стихотворению позднее известного своими талантливыми переводами поэта П. А. Козлова «Май», заключающему в себе динамичный драматизированный диалог между «поэтом» и его «музой» («Гражданин», 1873, 29 янв., № 5). Лучшие стихотворения Немировича-Данченко, такие как «Странник», «В горах», «Желание», «Родина», «Жена изгнанника», переводы с сербского, «Из путевого альбома. На Имандре» и другие, воспроизводящие картины северной и кавказской природы или посвященные темам странничества, изгнания, жизни народов Севера, поработенный славян, в которых звучали мотивы жажды «воли», движения, «бури» и сочувствия угнетенным и отверженным, продолжали печататься публикацией в «Отечественных записках» струю его по-

<sup>20</sup> См.: *Боград В. Э., Вильчинский В. П.* «Песни о павших» Вас. Пв. Немировича-Данченко (эпизод из редакторской практики Некрасова). — В кн.: Некрасовский сборник. Л., 1967, т. 4, с. 207—213.

<sup>21</sup> *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1898, т. 2, с. 177.

<sup>22</sup> Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика М. А. Александрова. Оттиск из «Русской старины», 1892. Апрель. С авторскими примечаниями. — ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, од. хр. 216 (см. также: Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 340).

<sup>23</sup> ГБЛ, ф. 93.11.7.10.

<sup>24</sup> Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 305.

<sup>25</sup> Лит. наследство, 1973, т. 86, с. 433.

этического творчества, развивавшегося в дальнейшем в русле традиции Некрасова.<sup>26</sup> Ряд наиболее характерных стихотворений Вас. И. Немировича-Данченко (в том числе «Желание») до сих пор включаются в хрестоматии, сборники и антологии демократической поэзии того времени.<sup>27</sup> Стих его, по словам современного исследователя, отличался «легкостью и силой поэтической речи и эмоциональной приподнятостью».<sup>28</sup> Достоевский, очевидно, не вносил в стихи Немировича-Данченко каких-либо исправлений.<sup>29</sup>

В связи с редактированием Достоевским присылаемых ему стихов необходимо остановиться еще на одном эпизоде, находящемся за пределами исполнения им этих обязанностей в «Гражданине». Среди многочисленных корреспондентов Достоевского, пробовавших свои силы в литературе и просивших у него совета, был и совсем неизвестный начинающий любитель К. С. Константинов, который 12 октября 1877 г. (дата на почтовом штемпеле) сообщил о себе автору читаемого в ту пору повсеместно «Дневника писателя»: «Отец мой был бедным учителем; рано умерев, он оставил мне азбуку да еще два или три кое-каких руководства; с этим наследством вышел из меня честный ремесленник, — и это, конечно, слава богу, а еще больше слава богу за то, что я вижу в себе сильные задатки литературного таланта; но, зная, что человеку легко быть пристрастным к себе, я думаю: не заблуждаюсь ли я относительно себя? — Будьте так добры — не откажитесь быть моим судьей...»

Я не осмелился послать к Вам моих произведений с этим письмом, не испросив у Вас позволения на это».<sup>30</sup> На конверте письма К. С. Константинова стоит помета Достоевского: «Отвечти». Видно, сразу же после ответа Достоевского Константинов выслал ему свою тетрадь со стихами (она не сохранилась), а 19 ноября вместе с новым письмом еще пять стихотворений, которые просил присоединить к ранее отправленным.<sup>31</sup> На рукописях этих дошедших до нас пяти стихотворений Константинова нет правки Достоевского, не нашедшего возможным их опубликовать. Но сохранились автографы еще трех стихотворений

<sup>26</sup> См.: Немирович-Данченко В. И. 1) Стихотворения. СПб., 1882; 2) Избранные стихотворения. М., 1893; 3) Стихи. 1863—1901. 2-е изд. СПб., 1902.

<sup>27</sup> См.: Русские поэты XIX века: Хрестоматия. 3-е изд. М., 1964, с. 829—830; Поэты-демократы 1870—1880-х годов. М., 1968, с. 604—630 (Библиотека поэта. Большая серия); Поэзия Югославии в переводах русских поэтов. М., 1976, с. 53—54, 317.

<sup>28</sup> См.: Русские поэты XIX века, с. 829 (в преамбуле Н. М. Гайденкова).

<sup>29</sup> Доказательством этого может служить отсутствие различий между публикациями «Гражданина» и текстами некоторых стихотворений, включенных из него в отдельные сборники, в то время как в стихотворениях, отредактированных Н. А. Некрасовым для «Отечественных записок», Вас. И. Немирович-Данченко при переиздании восстановил в большинстве случаев свой первоначальный текст (см. об этом: Некрасовский сборник, т. 4, с. 211).

<sup>30</sup> Вопр. лит., 1971, № 11, с. 205—206; полный текст письма см.: ИРЛИ, № 29745.

<sup>31</sup> ИРЛИ, ф. 212.1.79.

К. С. Константинова «Осенние недуги» и «Жизнь без прикрас» (под этим названием объединены два стихотворения), два из которых, возможно, Достоевский все же пробовал подготовить к печати, так как на них есть его пометы. В стихотворении «Осенние недуги» он выровнял ритм одной из строк, исправил неловкий речевой оборот в другой («Давно соловьи замолчали» вместо «Уж петь соловьи перестали», «На дамских поношенных лицах» вместо «У дам на поношенных лицах») и исключил последнее четверостишие, где Константинов от более приемлемого для Достоевского описания прозы осенней природы и жизни переходил к воспеванию будущей весны.<sup>32</sup> Из двух других стихотворений, озаглавленных «Жизнь без прикрас», в первом — «Когда еще детьми с тобой мы были...» — нет никакой правки. Скорей всего, Достоевский не собирался его воспроизводить и предпочел ему второе — «Да, милая, я долго помпить буду...», — в котором заменил спотыкающуюся концовку «О нет — мирясь в душе с моим страданьем, / Живу для маски, для прощенья, для любви» более четкой и энергичной: «Нет, я живу одним моим страданьем... / Для маски, для прощенья, для любви!». Стихотворения эти, судя по подписи А. Г. Достоевской на обложке, Достоевский, вероятно, намеревался передать в «Гражданин». Однако они там не появились.

Из сказанного можно заключить, что редакторская «воля» Достоевского выражалась, помимо участия в отборе стихотворений для журнала, также в исправлениях текстов начинающих поэтов, личность и стихи которых вызывали у него сочувствие. Что касается поэтов с уже определенно выявившейся индивидуальностью, таких, например, как Ф. И. Тютчев, П. А. Козлов, А. Н. Майков, то в их стихи Достоевский, по-видимому, не считал для себя возможным вмешиваться.

В. Д. РАК

#### К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ В АПРЕЛЬСКОМ ВЫПУСКЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1876 г.

На обратной стороне отдельного небольшого листка, озаглавленного «Словечки» и содержащего черновые заметки к «Братьям

<sup>32</sup> После пятой строфы:

О, птички, забавные птички!  
Они рассудили отлично,  
Что в наше практическое время  
Им петь о любви не прилично... —

рукой Достоевского проставлена подпись (С. Константинов) и далее зачеркнуто:

Но, милые птички, я верю:  
Наступит весна золотая —  
И песню любви вдохновенной  
Зальются пернатые стаи.